
Депутаты Государственной Думы РФ: динамика занятости в политико-административной и коммерческой сферах после ухода с должности

Д.Б. ТЕВ*

*Денис Борисович Тев – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, denis_tev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

Цитирование: Тев Д.Б. (2025) Депутаты Государственной Думы РФ: динамика занятости в политико-административной и коммерческой сферах после ухода с должности // Мир России. Т. 34. № 1. С. 31–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-31-56

Аннотация

В статье рассматривается динамика карьеры депутатов Госдумы после ухода с должности. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, включающая сведения о карьере после отставки депутатов I–VII-го созывов. Выявлен ряд тенденций – уменьшение доли переходов в федеральную администрацию, включая элитные и, в частности, правительственные посты; рост частоты перемещений в региональные законодательные собрания и Совет Федерации; усиление доминирования компаний частного сектора и возрастание роли собственного/семейного бизнеса как места работы бывших депутатов при одновременном сокращении миграции на посты наемных менеджеров и в крупные корпорации.

Анализируя элитную постдумскую занятость в госаппарате, автор заключает, что ее структура изменилась: если выходцы из I-го и II-го созывов чаще всего занимали элитные позиции на федеральном уровне и в административной сфере, то выходцы из VI-го и VII-го созывов – в основном на региональном уровне и в законодательной сфере.

Автор выделяет институциональные факторы, влияющие на динамику посткарьеру депутатов, включая ослабление Государственной Думы по отношению к исполнительной власти, формирование конгруэнтной партийной системы, превращение «Единой России» в доминирующую партию, изменение порядка формирования Совета Федерации и процедуры рекрутирования губернаторов, отказ от практики совмещения парламентских и правительственных позиций.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в феврале 2024 г.

Ключевые слова: Государственная Дума, карьера после ухода с должности, администрация, законодательные собрания, Совет Федерации, бизнес

Введение

Значимость изучения постпарламентской карьеры и ее динамики обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, благодаря ему становятся понятнее характер политической системы и ее эволюции, роль в ней различных властных институтов (таких, как легислатура, правительство, региональные администрации, бизнес) и специфика их взаимоотношений в разные периоды, отражением и закреплением которых могут выступать карьеры элитных персон. Во-вторых, знание карьеры депутата после окончания полномочий необходимо и для объяснения его политического поведения в период пребывания в должности. Перспективы будущей занятости способны влиять на поведение должностных лиц, которые могут приспосабливать его к потребностям потенциального работодателя в ущерб интересам общества и государства, что означает конфликт интересов [Cerrillo-i-Martínez 2017, pp. 357–358; Samuels 2003, pp. 134–156]. В-третьих, изучение динамики постдумской карьеры позволяет ответить на вопрос об устойчивости членства в элите в различные времена, о том, влечет ли за собой уход из Госдумы выпадение из властной элиты вообще или миграцию в элитные группы другого уровня/функциональной специализации. Наконец, исследование динамики постдумской карьеры полезно и для оценки степени меж- и внутривнутрифракционной элитной интеграции, одним из индикаторов и в то же время факторов которой являются перемещения законодателей в иные властные группы, образующие динамические переплетения между ними.

Обзор литературы

В западных странах и России проведены исследования постпарламентской карьеры, анализируя результаты которых можно выделить четыре аспекта. Во-первых, раскрыта роль различных институциональных секторов как сферы постпарламентской занятости. На примере США [Herrick, Nixon 1996, p. 49; Diermeier et al. 2005, p. 360], Ирландии [Baturó, Arlow 2017, p. 8], Германии и Нидерландов [Claessen et al. 2021] а также России [Тев 2018] показано, что многие парламентарии после ухода с должности остаются в публичной (политико-административной) сфере, но, помимо этого, распространена и занятость в коммерческом секторе.

Во-вторых, исследователей интересовало, в какой степени бывшие депутаты способны получать более или хотя бы столь же привлекательную (в плане власти, дохода и прочего) должность в сравнении с парламентской позицией как в политическом, так и в частном секторе. Несмотря на разные количественные оценки, в целом показано, что для значительной части (но все же чаще всего меньшинства) парламентариев законодательная позиция служила трамплином к таким должностям [Würfel 2017, p. 10; van der Vlist 2023; Claessen et al. 2021].

В-третьих, внимание уделено вопросу о том, как различные характеристики парламентариев влияют на постпарламентскую занятость и, прежде всего, переход на более или столь же привлекательные позиции. Показано, что на перспективы посткарьеры влияет тип ухода депутата из легислатуры. Парламентарии, добровольно покинувшие ее, имея возможность остаться (переизбраться), чаще занимают привлекательные позиции, чем законодатели, покинувшие свой пост вынужденно, в результате поражения на стадии выдвижения или выборов или по причине скандала (что вредит их репутации в глазах потенциальных работодателей), особенно в публичном секторе [Würfel 2017; Claessen et al. 2021; van der Vlist 2023]. Кроме того, чаще переходят на привлекательные позиции депутаты, занимающие руководящие посты в правительстве, легислатуре и партиях (они обычно имеют более широкие политические связи, ценные для потенциальных работодателей) [Würfel 2017; Claessen et al. 2021]. Вместе с тем важен и предшествующий опыт парламентария: в России в органы исполнительной власти и бизнес чаще переходят те депутаты Государственной Думы (ГД), которые работали в них и до избрания в парламент [Тев 2018; Тев 2023; Shirikov 2021].

Что касается влияния партийной принадлежности, то результаты исследований неоднозначны. Некоторые авторы показали, что членство депутата в партии, имеющей дружественную бизнесу идеологию, как и в правящей партии, не оказывает значимого позитивного влияния на вероятность его последующей занятости на более привлекательной должности в частном секторе [Würfel 2017; Claessen et al. 2020; Byrne, Theakston 2016]. Однако другие исследователи установили, что парламентарии от левоцентристских партий были заняты на привлекательных постах в коммерческой сфере реже депутатов от либеральных и консервативных партий [Baturu, Arlow 2017; Eggers, Hainmueller 2009]. В то же время результаты исследования депутатов Италии свидетельствуют, что представители левоцентристской коалиции (особенно в тот период, когда она была правящей) чаще, чем законодатели-правоцентристы, назначались членами советов директоров госкомпаний, что связано со спецификой идеологии и предпарламентского опыта [Quaresirria et al. 2020]. Сравнительный анализ постдумской карьеры депутатов фракций «Единой России» и КПРФ в Госдуме IV–VI-го созывов также выявил межфракционные различия: единороссы чаще переходят на работу в администрацию и коммерцию, а коммунисты чаще работают в аппарате легислатур и заседают в заксобраниях регионов, избрание в которые является для них главной возможностью сохранить властный статус и членство в элите после выбытия из ГД.

В-четвертых, собственно динамика постпарламентской карьеры стала, насколько известно, предметом всего одной недавней статьи Д. ван дер Влиста “Parliament as a Steppingstone? Patterns of Post-parliamentary Careers in The Netherlands between 1967 and 2017” [van der Vlist 2023]. Исследование посткарьеры нидерландских парламентариев 1967–2017 гг. показало, что они все чаще перемещаются в частный сектор, причем во все большей степени способны занимать там более или столь же привлекательные (в сравнении с депутатской) позиции. Напротив, переходы на аналогичные должности в политическом секторе происходят все реже. Автор связывает эти тенденции с изменением институциональных условий или, иначе говоря, структуры возможностей парламентской посткарьеры. По мнению Д. ван дер Влиста, снижение роли политических партий в отборе кандидатов в легислатуру, а также рост электоральной волатильности делают парламентские

позиции более доступными и достижимыми, и в связи с этим растет заинтересованность в использовании их как трамплина для дальнейшей карьеры в других институтах. Кроме того, ослабление национального парламента в сравнении с другими органами власти снижает привлекательность длительной законодательной карьеры и толкает депутатов к уходу из легислатуры, но, с другой стороны, вероятно, делает привлекательные позиции в политическом секторе менее доступными для них [van der Vlist 2023].

Несмотря на значимость исследований, в том числе проведенных на российском материале, динамика занятости после ухода из ГД, эволюция посткарьеры депутатов от созыва к созыву и обуславливающие ее факторы в них не затрагивались. Вместе с тем, благодаря этим исследованиям становятся понятны те моменты, которые следует учесть при динамическом анализе посткарьеры:

(1) особого внимания заслуживает постдумская занятость в политико-административной и коммерческой сферах, обычно являющихся основным местом работы бывших депутатов;

(2) важно определить, насколько позиция депутата ГД в разные периоды служила трамплином к столь же или более привлекательным элитным позициям;

(3) при объяснении динамики посткарьеры следует учитывать как изменения ее институциональных условий (структуры возможностей), которые имеют в России свою специфику и историческую вариативность, так и ряд характеристик самих парламентариев (включая предшествующий профессиональный опыт и партийную принадлежность), которые могут изменяться от созыва к созыву.

Теоретическая основа, основные вопросы и гипотезы исследования

Теоретической основой исследования служит концепция институциональной структуры возможностей как фактора элитной карьеры. Следует отметить, что факторы рекрутирования властных персон многообразны. Например, Б. Харасимив выделяет две группы – «толкающие», действующие «снизу», со стороны претендента на нее, и «вытягивающие», действующие «сверху», со стороны производящих отбор персон и инстанций [Harasymiw 1981]. Среди первых – профессиональная роль, социальный статус, мотивация и прочие, а вторых – покровительство (связи), структура политических возможностей, предпочтения селектората. При этом особое значение в качестве фактора элитного рекрутирования имеет структура возможностей. Как писал Дж. Шлезингер, амбиции, которые «лежат в сердце политики», проявляются внутри данной структуры возможностей, формирующей карьерные выборы [Schlesinger 1966, p. 1]. Структура возможностей, по сути, представляет собой институциональную и политическую среду, в рамках которой индивид планирует свою карьеру. Согласно Й. Борхерту, она может быть аналитически разделена на четыре аспекта – структуру государства, структуру политических институтов, структуру представительства и структуру политических организаций [Borchert 2011, p. 123]. Он также отмечает, что, с точки зрения амбициозного претендента, институциональная структура возможностей может выражаться в наличии определенных должностей, их доступности (относительной легкости, с которой их можно получить) и привлекательности

(то есть той власти, престижа, дохода, возможностей карьерного роста и других благ, которые эти посты предоставляют) [Borchert 2011, pp. 121–123]. Причем следует отметить, что эти характеристики могут находиться в противоречивом соотношении: например, позиция может быть привлекательна, но труднодоступна и, напротив, легкодоступна, но не привлекательна (их изменение во времени также может быть разнонаправленным – рост доступности, но снижение привлекательности и наоборот). Сложные взаимодействия между этими параметрами, заданными структурой возможностей, являются основой индивидуальных расчетов, которые взвешивают относительные издержки и выгоды достижения определенных должностей [Borchert 2011, p. 123].

Использование концепции институциональной структуры возможностей как теоретической рамки исследования целесообразно, прежде всего, потому, что позволяет «вписать» динамику элитной посткарьеры в контекст существующей в данном обществе политической системы. Структура возможностей постдумской карьеры в России, ее институциональные условия (организация и взаимоотношения различных властных институтов) имеют свою специфику, причем в постсоветский период они претерпели существенные изменения, что могло оказать влияние на занятость бывших депутатов. В этой связи основные вопросы исследования заключаются в том, как менялась роль политико-административной и коммерческой сфер в качестве места работы экс-депутатов в постсоветский период, и какое влияние на динамику посткарьеры оказывали эволюционирующие властные институты. Можно выдвинуть ряд предположений об исторически вариативных особенностях структуры возможностей и направленности их влияния (а также воздействия ряда иных факторов) на карьеру выходцев из нижней палаты парламента в рассматриваемых сферах.

Перспективы постдумской занятости в политической сфере

Что касается постдумской занятости в политической (законодательной) сфере, то возможности горизонтальной (переход в Совет Федерации (СФ)) и нисходящей (переход в региональные и местные legislatures) посткарьеры обусловлены различными институциональными факторами. Говоря о переходах в СФ, в целом, нужно подчеркнуть, что немногочисленность мест в нем, в сравнении с позициями в региональных законодательных собраниях (ЗС), администрации и бизнесе, обостря конкуренцию за них, ограничивает возможности такого продвижения. Однако привлекательность позиций в верхней палате снижает то, что в постельцинский период она превратилась в довольно слабый, полудекоративный орган [Ross, Turovsky 2013, p. 65]. Впрочем, с другой стороны, сенаторские посты – выгодные синекуры: они щедро вознаграждаются (в плане социальных гарантий сенаторы, как и депутаты ГД, приравнены к федеральным министрам), а занятость в Совете Федерации, особенно на рядовых позициях, не слишком обременительна. Следует отметить, что возможности постдумской карьеры в этом органе, доступ депутатов в СФ могли значительно расширить изменение в начале 2000-х гг. порядка его формирования – привести к замене губернаторов и спикеров на делегатов

региональных властей. Во второй половине 1990-х гг. депутат Госдумы мог стать членом Совета Федерации, только предварительно избравшись губернатором или спикером ЗС. После замены глав региональных властей на их представителей порядок делегирования менялся¹. До января 2011 г. депутаты ГД могли быть прямо делегированы в СФ, минуя субнациональные легислатуры, а с января 2011 г. они должны были предварительно избраться депутатами регионального или местного уровня. Впрочем, уже в октябре 2011 г. депутаты ГД, избранные по партийному списку от соответствующего региона, получили право прямо становиться его сенаторами. Однако с 2013 г. был введен новый порядок, согласно которому представителем региональной легислатуры в Совете Федерации может быть только ее депутат. Тем не менее от представителя губернатора, если последний избран населением, этого не требуется, а если он избран законодательным собранием, то его представителем в Совете Федерации может стать не только депутат ЗС, но и депутат ГД, избранный по партийному списку от соответствующего субъекта РФ. Таким образом, после замены в СФ губернаторов и спикеров на их представителей доступ депутатов ГД в верхнюю палату облегчился: даже если они должны были предварительно избраться депутатами субнациональных легислатур, это условие выполнить было относительно несложно, учитывая их известность в регионах, высокие позиции в партиях и связи в элитах.

Исходя из описанных выше характеристик структуры возможностей, можно предположить, что на протяжении всего рассматриваемого периода в Совете Федерации оказывается относительно небольшое меньшинство депутатов ГД, но часто их переходов в этот орган имеет тенденцию к росту (*гипотеза 1*).

Что касается посткарьеры в региональных законодательных собраниях, то следует в первую очередь сказать о факторах, влияющих на такие переходы вообще. Многочисленность региональных законодательных позиций в условиях многосубъектной федерации; известность депутатов Государственной Думы в регионах, которые они представляют; их политические навыки (умение вести избирательные кампании и опыт парламентской работы); влиятельная позиция в партиях, связи в элитах – все это способствует рекрутированию в ЗС. С другой стороны, типичная слабость постсоветских ЗС и преобладание в них неоплачиваемой, непрофессиональной занятости снижают привлекательность позиций в них. Вместе с тем, такая занятость может быть удобна бывшим депутатам, перешедшим на основную работу в бизнес. Впрочем, различные позиции в региональных легислатурах неодинаково привлекательны для депутатов ГД: вероятно, они наиболее заинтересованы в продвижении на руководящие посты в законодательных собраниях (должности спикеров, вице-спикеров, председателей комитетов), которые чаще всего предполагают оплачиваемую, постоянную занятость, более престижны и влиятельны.

Говоря об изменениях структуры возможностей посткарьеры депутатов ГД в региональных ЗС, следует отметить, что особое значение имеет произошедший в 2000-е гг. в России переход от территориально неконгруэнтной к конгруэнтной партийной системе². В связи с изменениями в законодательстве (введением пропорциональной системы, наделением партий монопольным правом выдвигать

¹ Обзор изменений законодательства см.: [Тев 2021, с. 59].

² Территориально конгруэнтная партийная система – это система, при которой те же самые партии выдвигают кандидатов на властные позиции регионального и общенационального уровня [Semanova 2023].

кандидатов, запретом региональных партий) общенациональные парламентские партии получили возможность массово проводить своих кандидатов не только в ГД, но и в ЗС (чьи депутаты ранее были в основном беспартийными) [Глубоцкий, Кынев 2003; Кынев 2009, с. 16–17]. Причем доминирующую роль в партийной системе и в составе легислатур (ГД и ЗС) стала играть партия «Единая Россия» с централизованным способом отбора кандидатов [Semanova 2023]. Все это благоприятствовало миграции законодателей между различными уровнями представительной власти и формированию интегрированного (в отличие от доминировавшего в 1990-е гг. альтернативного) паттерна законодательной карьеры [Semanova 2023]. Кроме того, непосредственным переходам из Госдумы в ЗС (как и обратному движению) могло способствовать введение в 2005 г. единого дня голосования, благодаря которому депутаты могут одновременно баллотироваться в эти органы. Количество законодательных собраний, выборы которых проводились одновременно с выборами в ГД, росло: в 2003 г. их было 7, в 2007 г. – 9, в 2011 г. – 27, в 2016 и 2021 гг. – уже 39. Также два этих фактора могли способствовать расширению прямого рекрутирования депутатов Госдумы из ЗС, которое в свою очередь способно оказывать и самостоятельное влияние на посткарьеру. Наличие опыта успешной избирательной борьбы и законодательной деятельности на региональном уровне, а также сформировавшихся в период работы в ЗС связей в региональных элитах, вероятно, способствует переходам (возвратам) в легислатуры субъектов РФ после ухода из Государственной Думы.

Вместе с тем, с отличием от рассмотренных выше факторов, в противоположном направлении может действовать ослабление роли законодательных собраний в 2000-е гг. В 1990-е гг., несмотря на, в целом, второстепенность ЗС по отношению к губернаторам, некоторые из них были автономны от глав регионов и даже оппозиционны им, а их спикерам иногда удавалось избраться на пост губернатора, победив инкумбента. В период правления В.В. Путина вместе с усилением контроля федерального центра над регионами происходит концентрация власти внутри региональных политических систем в руках губернаторов, которым законодательные собрания оказываются обычно полностью подконтрольны [Шириков 2010; Golosov 2017]. Это может ослаблять привлекательность позиций в них для депутатов Госдумы, подрывая мотивацию к переходу в ЗС как к толкающему фактору посткарьеры.

В целом, можно предположить, что в рассматриваемый период посткарьера в региональных легислатурах встречается чаще, чем переходы в СФ, причем, несмотря на неоднозначность влияния описанных выше факторов, ее распространенность растет (*гипотеза 2*).

Перспективы постдумской занятости в административной сфере

Анализируя постдумскую занятость в административной сфере, можно констатировать, что на возможности карьеры в федеральных и субнациональных (прежде всего региональных) органах также могли влиять различные институциональные факторы. Важным аспектом, который может обуславливать уменьшение частоты

переходов из Госдумы в федеральную администрацию (ФА) и наоборот, является ослабление парламента в 2000-е гг. в условиях консолидации персоналистской автократии [Голосов 2021, с. 99]. Несмотря на второстепенную в целом роль парламента после 1993 г., во второй половине 1990-х гг. Государственная Дума была относительно самостоятельной и могла отчасти влиять на состав правительства (пример – кабинет Е.М. Примакова) [Huskey 1999, pp. 193–182]. Для периода правления В.В. Путина в целом характерно фактическое отсутствие контроля ГД над федеральной исполнительной властью, включая формирование и функционирование правительства, в то время как сама Госдума оказалась под прочным контролем главы государства посредством партии власти [Noble, Schulmann 2018, pp. 55–75]. Следствием и формой проявления этого изменения баланса сил между законодательной и исполнительной властями на федеральном уровне может быть уменьшение значимости ГД как канала рекрутирования министров и других ключевых федеральных чиновников и, соответственно, снижение доли переходов депутатов в федеральную администрацию. С другой стороны, ослабление Госдумы, вероятно, снизило привлекательность парламентских позиций для высокопоставленных федеральных чиновников, что могло вести к уменьшению распространенности среди депутатов предшествующего опыта работы в федеральной администрации, наличие которого иногда способствует переходам туда после отставки. Впрочем, роль ослабления парламента неоднозначна: все большее сосредоточение реальной власти в ФА, вероятно, усиливало привлекательность переходов в нее для самих депутатов (и мотивацию к такой посткарьерере как ее толкающего фактора).

Кроме того, важно отметить, что на посткарьерере депутатов в федеральной администрации, а конкретнее, в составе кабинета министров, могло сказаться и изменение правовых норм, регулирующих занятость в ГД и правительстве (один из элементов структуры возможностей). Во время работы Государственной Думы I-го созыва разрешалось совмещение правительственной и парламентской должностей, но в дальнейшем такая практика не допускалась, что, вероятно, ослабило привлекательность думских позиций для членов правительства.

Среди других возможных причин изменения доли переходов из Госдумы в ФА следует назвать возраст выбытия из ГД, а именно увеличение доли пожилых (60 лет и старше) выходцев из нижней палаты (в I-м созыве их было 9%, в VII-м – 39%). Это может сужать доступ депутатов в федеральную администрацию в силу (также являющегося элементом структуры возможностей) установленного законом предельного возраста пребывания на госслужбе (который, однако, повышался и, кроме того, не относится к лицам, занимающим государственные должности, включая членов правительства) и в силу проблем со здоровьем. В целом, можно предположить, что динамика посткарьереры депутатов Госдумы в ФА характеризуется снижением частоты таких переходов (*гипотеза 3*).

Говоря о факторах, обуславливающих динамику переходов в региональные администрации (РА), важно уточнить, что формирование в 2000-е гг. территориально конгруэнтной партийной системы с доминирующей партией «Единая Россия» могло расширять возможности посткарьереры депутатов Госдумы не только в законодательных собраниях, но и в РА. Вообще, превращение (начиная с IV-го созыва) «Единой России» в основной поставщик депутатов Госдумы могло позитивно влиять на долю переходов из Государственной Думы в РА (как и в административные

органы иного уровня) благодаря тесным связям этой партии с бюрократией. Примечательно, что данные предыдущего исследования посткарьереры депутатов Госдумы IV–VI-го созывов показывают, что парламентарии «Единой России» гораздо чаще оказываются в РА и административных органах вообще, чем представители умеренно оппозиционной КПРФ, доля которых была особенно велика среди выходцев из II-го, III-го и VI-го созывов [Тев 2023].

Кроме того, предполагаемое сужение в 2000-е гг. доступа в федеральную администрацию способствовало увеличению привлекательности позиций в региональных администрациях для депутатов, хотя, с другой стороны, уменьшать ее могли централизация власти, ослабление автономии РА от федерального центра.

Как и в случае с федеральной администрацией, самостоятельное значение может иметь и распространенность среди депутатов предшествующего опыта работы в РА и наличие соответствующих связей (важного вытягивающего фактора рекрутирования) и компетенций, которые могут иногда способствовать переходу туда из Госдумы. В принципе, формирование конгруэнтной партийной системы, в которой доминирует «Единая Россия», тесно связанная с бюрократией, могло способствовать притоку выходцев из регионального чиновничества в ГД. Однако следует отметить, что возвраты в администрацию субъектов РФ (как и других уровней) из Госдумы гораздо сложнее, чем, например, в бизнес, которым можно, будучи депутатом, продолжать владеть (или передать на время права собственности и/или управленческие функции членам семьи), и в научно-образовательную сферу (по закону можно совмещать некоторые позиции в ней с депутатством).

Наконец, как и в случае с федеральной администрацией самостоятельное значение может иметь возраст выбывающих из Государственной Думы депутатов: увеличение доли пожилых выходцев из ГД может негативно влиять на динамику их последующей занятости в РА.

Что касается отдельных должностей, то на частоту переходов парламентариев на посты губернаторов могли влиять изменения порядка рекрутирования глав регионов, который является элементом структуры возможностей постдумской карьеры. Представляется, что при назначении глав регионов для кандидатов на этот пост, вероятно, особенно важны связи в ФА, и, как следствие, у выходцев из нее больше шансов стать губернаторами. Тогда как при выборах губернаторов большое значение для кандидатов приобретают умение успешно вести избирательные кампании (и вообще политические навыки) и широкая известность среди избирателей региона, которыми могут обладать депутаты ГД. Соответственно, у них, вероятно, больше возможностей возглавить регион. Кстати, при прочих равных условиях учащение переходов депутатов на посты губернаторов может способствовать и росту их миграции на другие должности в РА, поскольку знакомства, связи, доверительные отношения депутатов с их коллегами, которые стали губернаторами, могут выступать вытягивающим фактором рекрутирования.

Учитывая разнонаправленность влияния различных факторов на посткарьеру депутатов в РА, можно предположить, что доля таких переходов, в целом, не показывает последовательной тенденции к росту или падению, при этом частота перемещений на посты губернаторов снижается после IV-го и V-го созывов, когда главы субъектов РФ назначались (*гипотеза 4*).

Перспективы постдумской занятости в коммерческой сфере

Возможности перехода депутатов в бизнес также могут быть обусловлены рядом институциональных и прочих факторов. Вообще, востребованности депутатов в фирмах в качестве наемных сотрудников способствуют, с одной стороны, их связи с действующими политиками и чиновниками и доступ к ним (кстати, связи с бюрократами могут «вытягивать» депутатов на руководящие позиции в государственных компаниях), и, с другой стороны, их осведомленность о механизме функционирования государственной системы, действующем законодательстве и прочем [Salisbury et al. 1989]. Наличие таких менеджеров может повышать лоббистский потенциал компаний, а политические связи фирм в формате присутствия в их руководстве выходцев из госорганов могут позитивно влиять на накопление капитала, особенно в странах со слабой правовой системой и высоким уровнем коррупции, таких как Россия. Впрочем, данные исследований на этот счет неоднозначны [Hillman 2005; Luechinger, Moser 2012; Гладышева, Кишилова 2018]. Однако в этой связи важно отметить, что ослабление парламента как политического института в период правления В.В. Путина, упадок его самостоятельной роли могли способствовать снижению ценности для компаний парламентского лоббирования [Chaisty 2013, p. 733] и, соответственно, связей в Госдуме, а значит, и востребованности депутатов (в сравнении с чиновниками) в качестве наемных менеджеров. Впрочем, в обратном направлении на возможности постдумской занятости в бизнесе, вероятно, влияла происходившая в 2000–2010-е гг. в крупных компаниях институционализация GR-функции [Толстых 2019, с. 329], которая могла повышать спрос на государственных деятелей, включая депутатов, и число доступных им должностей.

При этом самостоятельное влияние на посткарьеру в коммерческой сфере может оказывать предшествующий опыт работы в бизнесе (исследования показывают, что доля выходцев из него была довольно высока во всех созывах (см., напр.: [Setenova 2011, p. 914])). Приобретенные навыки и связи в ходе предшествующей вхождению в ГД карьеры в бизнесе, вероятно, способствуют переходам туда после отставки.

Наконец, на колебания доли переходов в бизнес могла влиять и варьирующая от созыва к созыву партийность депутатов: так, можно предположить, что выходцы из лево-оппозиционной фракции КПрФ, которых особенно много было во II-м, III-м и VI-м созывах, реже переходят в бизнес [Тев 2023].

В общем, можно ожидать, что бизнес является одним из важнейших мест работы выходцев из всех созывов, и доля переходов в компании в целом в рассматриваемый период не обнаруживает тенденции к росту или падению, при этом уменьшается частота перемещений на посты наемных менеджеров крупных фирм в сравнении с переходами в собственный бизнес (*зупомеза 5*).

Исходя из выдвинутых выше предположений об увеличении возможностей и частоты постдумской занятости в законодательной сфере (особенно региональных легислатурах) при одновременном сокращении возможностей и частоты занятости в федеральной администрации, можно предположить, что в целом структура элитной посткарьеру депутатов ГД в рассматриваемый период значительно изменилась. Вероятно, выходцы из первых созывов чаще всего занимали элитные позиции на федеральном уровне и в административной сфере, тогда как выходцы

из последних созывов, напротив, – в основном на региональном уровне и в законодательной сфере (*гипотеза б*).

Данные и метод

Исследование опирается на биографическую базу данных, которая включает сведения обо всех депутатах Госдумы I–VII-го созывов, выбывших из нее к концу 2023 г., исключая тех, кто умер, находясь в должности, и поэтому не мог иметь последующей занятости (количественные характеристики базы отражены в *таблице 1*).

Таблица 1. Количественные характеристики исследуемой совокупности, чел.

Характеристика	I-й созыв (1993–1995 гг.)	II-й созыв (1995–1999 гг.)	III-й созыв (1999–2003 гг.)	IV-й созыв (2003–2007 гг.)	V-й созыв (2007–2011 гг.)	VI-й созыв (2011–2016 гг.)	VII-й созыв (2016–2021 гг.)
Количество депутатов, выбывших из ГД (исключая умерших в должности)	296	320	252	252	258	311	246
Количество выбывших из ГД депутатов, о последующей карьере которых есть информация	234	228	213	201	218	237	199

В исследовании применялся структурно-биографический метод: социально-профессиональная структура постдумской занятости депутатского корпуса изучалась в связи с биографией образующих его персон [Быстрова и др. 2008, с. 158]. На всех законодателей были заполнены анкеты, которые включали сведения о дате рождения, образовании и карьерном пути – как до вхождения в ГД, так и после выбытия из нее. В качестве источников информации использовались сайты органов власти, коммерческих и прочих организаций, документы компаний, биографические интернет-порталы, материалы СМИ, а также сервис проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей Rusprofile.

При этом изучалась не вся карьера депутатов после окончания полномочий, а только их занятость в течение двух лет после отставки, то есть анализировалось то, трамплином к каким должностям служила депутатская должность. Это обусловлено рядом соображений. Во-первых, именно занятость в первые годы после ухода из Госдумы, вероятно, сильнее всего определяется специфическим характером сопряженных с думской позицией ресурсов, возможностей и амбиций. Во-вторых, исследование постдумской занятости в течение двух лет после ухода с должности (а не за более длительный период) позволяет сравнить ее после всех

семи созывов, поскольку после окончания VII-го созыва к моменту сбора данных прошло примерно два года. В-третьих, учет всех позиций, занимаемых бывшими депутатами в течение двух лет после отставки, представляется более предпочтительным, чем учет только первой должности после отставки, поскольку, с одной стороны, о ней чаще отсутствует информация, а, с другой, занятость на этой должности иногда носит весьма краткосрочный и, по существу, переходный характер.

В общем, сведения о работе бывших депутатов ГД на элитных и потому заметных должностях в политико-административной и экономической сферах (сенаторы, депутаты заксобраний субъектов РФ, члены правительства и ключевые федеральные чиновники, главы регионов, генеральные директора крупных компаний) относительно доступны. Их отсутствие в открытых источниках, скорее всего, означает, что парламентарий после выбытия из ГД такие позиции не занимал. Этого, однако, нельзя сказать о занятости на других, менее заметных позициях – второстепенных федеральных и региональных административных постах; должностях (особенно неключевых) в средних и небольших компаниях. Учитывая это, при дальнейших подсчетах целесообразно принимать для элитных постдумских позиций в качестве N общее количество депутатов, выбывших из ГД после каждого созыва, не исключая тех, сведения о последующей занятости которых не удалось обнаружить. Напротив, при анализе работы в администрации и бизнесе в целом в качестве N предпочтительно принимать количество депутатов, о занятости (на оплачиваемой или общественной основе) которых в течение двух лет после ухода из ГД есть информация (*таблица 1*). Но и здесь следует сказать, что отсутствие в открытых источниках фактов такой занятости не всегда означает, что эти данные имеют скрытый, недоступный для ученого характер: в частности, многие законодатели выбывали из Госдумы в пожилом возрасте и, выйдя на пенсию, могли не иметь какой-либо занятости.

В целом, ограничения исследования связаны прежде всего с двумя обстоятельствами:

– отсутствием/неполнотой информации о посткарьере части депутатов. Однако представляется, что этот фактор неспособен кардинально повлиять на выводы исследования, поскольку сведения о занятости подавляющего большинства выходцев из ГД доступны;

– в исследовании используются простейшие статистические методы, которые дают возможность описать тенденции посткарьеры, но не позволяют эмпирически доказать их обусловленность теми или иными факторами.

Результаты исследования

Постдумская карьера в органах представительной власти

Как и предполагалось, одним из важнейших мест работы депутатов Государственной Думы после окончания полномочий являются органы представительной власти, причем, как показывает *таблица 2*, доля более или менее непосредственных переходов в них имеет тенденцию к росту: она минимальна после I-го созыва, а наиболее высока после VI-го и VII-го созывов.

Таблица 2. Членство бывших депутатов Государственной Думы в органах представительной власти (не считая возвратов в ГД) в течение двух лет после ухода с должности, %

Представительный орган	I-й созыв (1993–1995 гг.) N=296	II-й созыв (1995–1999 гг.) N=320	III-й созыв (1999–2003 гг.) N=252	IV-й созыв (2003–2007 гг.) N=252	V-й созыв (2007–2011 гг.) N=258	VI-й созыв (2011–2016 гг.) N=311	VII-й созыв (2016–2021 гг.) N=246
Совет Федерации	1	5	1	2	4	9	6
Региональные законодательные собрания	2	2,5	8	6	10	14	14
Местные думы	0	~0,5	~0,5	1	3	2	1
Всего*	2	8	10	8	13	19	18

*Цифра в этой строке может быть меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку бывший депутат в течение двух лет после выбытия из ГД мог состоять в представительных органах разного уровня.

Кроме того, следует отметить, что многие депутаты после отставки, хотя и не входят в состав законодательных органов, но занимают должности, обеспечивающие работу отдельных депутатов (помощники), фракций, комитетов и legislatures в целом (прежде всего речь идет о самой Госдуме, но также о Совете Федерации и региональных заксобраниях). Причем доля таких переходов, напротив, снижается: наиболее высока она была после I-го созыва (14%), а после VI–VII-го созывов – всего 6%. Если, однако, суммировать опыт работы бывших депутатов в составе представительных органов (не считая возвратов в ГД) и на должностях, обеспечивающих их работу, то доля таких переходов имеет прерывистую тенденцию к росту, будучи наибольшей в VI-м и VII-м созывах. В этом смысле можно говорить о растущей политической профессионализации посткарьеру депутатов Госдумы, которая все чаще проходит в рамках законодательной вертикали.

Таблица 2 дает представление о масштабах и динамике постдумской занятости в представительных органах различного уровня. Как мы видим (и это предполагалось в гипотезе 1), лишь относительно небольшое меньшинство депутатов ГД переходят в СФ (горизонтальная законодательная посткарьеру), однако доля таких случаев растет (впрочем, со значительными откатами): она минимальна в I-м и III-м созывах и наиболее высока в VI-м и VII-м.

Как утверждалось в гипотезе 2, частота перемещений в региональные legislatures (нисходящая законодательная карьера) в целом выше, чем в верхнюю палату, и при этом имеет выраженную тенденцию к росту (вместе с тем, переходы в местные думы остаются на довольно низком уровне). При этом депутаты, перешедшие в законодательные собрания, нередко занимают там не рядовые, а более привлекательные руководящие посты – председателей комитетов, вице-спикеров, и, в ряде случаев, спикеров (больше всего председателей региональных legislatures – 6 чел. – было после VII-го созыва).

Кроме того, как показало исследование, доля депутатов, которые до избрания в ГД заседали в законодательных собраниях, растет (среди выходцев из I-го созыва менее чем каждый десятый имел такой опыт, а в VII-м созыве – 30%).

При этом во всех созывах среди депутатов ГД, перешедших в ЗС, членство в региональных легислатурах до вхождения в нижнюю палату распространено чаще, что подтверждает тесную связь между предшествующим опытом и посткарьерой в законодательной сфере.

Таким образом, исследование показало, что вследствие ряда изменений в структуре возможностей частота переходов депутатов ГД в представительные органы возросла прежде всего за счет миграции не только в ЗС, но и в СФ.

Административные органы как место работы бывших депутатов Государственной Думы

Административные структуры – одно из самых распространенных мест работы после ухода из ГД. Причем, как показывает *таблица 3*, наибольшее значение имеют федеральная и региональная администрации (тогда как переходы на местный уровень редки в течение всего периода, несколько повышаясь в VII-м созыве), однако миграция в них обнаруживает разные тенденции.

Таблица 3. Работа бывших депутатов Государственной Думы в административных органах в течение двух лет после ухода с должности, %

Уровень администрации	I-й созыв (1993–1995 гг.) N=234	II-й созыв (1995–1999 гг.) N=228	III-й созыв (1999–2003 гг.) N=213	IV-й созыв (2003–2007 гг.) N=201	V-й созыв (2007–2011 гг.) N=218	VI-й созыв (2011–2016 гг.) N=237	VII-й созыв (2016–2021 гг.) N=199
Федеральная	21	17	11	8	13	6	5
Региональная	12	13	10	11	18	11	15
Местная	2	2	1	2	1	2	4
Всего*	32	31	22	20	32	18	22

*Цифра в этой строке может быть меньше суммы цифр в предыдущих строках, так как бывший депутат в течение двух лет после выбытия из ГД мог занимать должности в административных органах разного уровня.

Как и предполагалось в *гипотезе 3*, наблюдается сокращение доли переходов депутатов в федеральную администрацию: максимума она достигает среди выходцев из I-го и II-го созывов, а после VI-го и VII-го опускается до минимума (кстати, именно за счет ФА происходит снижение совокупной миграции в административные структуры). Причем, как показывает *таблица 4*, та же, в целом, понижающая тенденция обнаруживается и в отношении элитных федеральных административных и, в частности, правительственных должностей (больше всего переходов в правительство из I-го и II-го созывов, а из VI-го и VII-го – ни одного).

В 1990-е гг. самым важным примером правительства РФ, включавшего выходцев из ГД, стал кабинет Е.М. Примакова, куда вошли сразу несколько

депутатов, в том числе выходцев из оппозиционных фракций (например, Ю.Д. Маслюков из КПРФ стал министром промышленности и торговли и первым вице-премьером). Также следует отметить, что во время работы Госдумы I-го созыва, когда допускалось совмещение правительственной и парламентской позиций, в ряде случаев министры (например, министр экологии и природных ресурсов В.И. Данилов-Данильян и министр труда Г.Г. Меликьян) избирались в ГД, сохраняя свою должность, а после окончания депутатских полномочий продолжали работать в правительстве.

Таблица 4. Работа бывших депутатов Государственной Думы на элитных должностях в административных органах федерального и регионального уровня в течение двух лет после ухода с должности, %

Тип должностей	I-й созыв (1993–1995 гг.) N=296	II-й созыв (1995–1999 гг.) N=320	III-й созыв (1999–2003 гг.) N=252	IV-й созыв (2003–2007 гг.) N=252	V-й созыв (2007–2011 гг.) N=258	VI-й созыв (2011–2016 гг.) N=311	VII-й созыв (2016–2021 гг.) N=246
Федеральные элитные*	8	8	2	4	4	2	2
в том числе члены правительства	2	2	0	~0,5	1	0	0
Региональные элитные**	6	7	7	5	11	7	9
в том числе губернаторы	~0,5	4	4	2	2	4	3
Федеральные и региональные элитные	15	14	9	9	15	9	11

*К федеральным элитным должностям отнесены должности уровня заместителя руководителя федерального органа исполнительной власти (министерства, агентства) и выше, руководителя департамента аппарата правительства или управления Администрации президента и выше, помощника и советника президента РФ, чрезвычайного и полномочного посла РФ в иностранном государстве.

**К региональным элитным должностям отнесены должности губернатора, председателя правительства и их заместителей, а также руководителей региональных органов исполнительной власти (министров и равных им).

Кроме того, исследование показало, что падает и доля непосредственных выходцев из федеральной администрации в Госдуму, будучи максимальной в I-м созыве – примерно каждый седьмой, минимальное количество в VII-м – 3%. Однако связь предпарламентского опыта с посткарьерой депутатов в ФА однозначно не подтверждается: далеко не во всех созывах депутаты, оказавшиеся в федеральной администрации после ухода с должности, чаще были прямыми выходцами из нее.

Из таблицы 3 видно, что доля переходов из ГД в РА, как и предполагалось в гипотезе 4, не показывает отчетливой тенденции: она наиболее велика в V-м и VII-м созывах, а минимума достигает в III-м и IV-м. То же можно сказать и о доле прямых выходцев из региональных администраций в ГД (наиболее значительна среди депутатов, выбывших из IV-го и V-го созывов). При этом, однако, тесная связь между предпарламентским опытом и посткарьерой в региональных

администрациях не всегда подтверждается: не во всех созывах депутаты, перешедшие в администрации субъектов РФ, до избрания в ГД чаще работали в них.

Что касается должностей, на которые переходят депутаты ГД, то, как показывает *таблица 4*, занятость на элитных позициях не отражает однозначной тенденции, хотя скорее немного растет, будучи наиболее частой после V-го и VII-го созывов (среди совокупности депутатов, покинувших I–III-й созывы, она составляет 7%, а V–VII-м – 9%). Говоря отдельно о постах губернаторов, следует отметить, что больше всего перемещений на них из II-го, III-го и VI-го созывов (13, 10 и 11 чел. соответственно), а после I-го – всего один случай. Падение числа переходов в губернаторы произошло в IV-м и V-м созывах; их депутаты выбыли из ГД, соответственно, к концу 2007 и 2011 гг., то есть в период, когда губернаторы назначались (что также подтверждает *гипотезу 4*). Кроме того, следует добавить, что относительно демократические выборы губернаторов в 1990-е – начале 2000-х гг. давали возможность оппозиционным депутатам избираться на этот пост. В ряде случаев во II-м и III-м созывах на выборах губернаторов побеждали депутаты Госдумы от левой оппозиции (КПРФ и НПСР). В качестве примеров можно привести Ю.Е. Лодкина (Брянская область), А.Н. Михайлова (Курская область), В.Н. Сергеенкова (Кировская область) и А.Л. Черногорова (Ставропольский край).

Наконец, говоря о посткарьере в административной сфере в целом (как на региональном, так и на федеральном уровнях), нужно отметить, что негативное влияние на нее возрастного фактора, по-видимому, подтверждается тем фактом, что среди депутатов, покинувших ГД в возрасте 60 лет и старше, доля персон, о последующей работе которых на административных постах все же имеются сведения, ниже, чем во всей совокупности.

Таким образом, исследование показало, что в силу ряда институциональных и иных факторов посткарьера депутатов ГД в федеральной администрации (в том числе на элитных постах) становится все более редким явлением, тогда как доля переходов в региональные администрации не обнаруживает отчетливой тенденции.

Посткарьера депутатов Государственной Думы в бизнесе

После политико-административной сферы важнейшим местом работы бывших депутатов ГД является бизнес. Как показывает *таблица 5* (как и предполагалось в *гипотезе 5*), доля переходов в бизнес вообще и прежде всего на ключевые позиции существенна во всех созывах, но значительно колеблется, снижаясь в VII-м созыве, и не показывает явной тенденции. Перспектива посткарьеры в бизнесе и типичность переходов в него из ГД могут вести к конфликту интересов, побуждая депутатов приспосабливать свое поведение к интересам коммерческих организаций в ущерб государству и обществу.

При этом оказалось, что посткарьера в бизнесе тесно связана с предпарламентским опытом депутатов: для всех созывов характерно то, что депутаты, перешедшие на ключевые позиции в бизнес, чаще других имеют предшествующий опыт работы на руководящих постах в коммерческих организациях. Однако доля непосредственного рекрутирования с таких позиций в ГД не обнаруживает явной тенденции: наиболее велика она в V-м и VI-м созывах – около трети, наиболее

низка в I-м и VII-м созывах – примерно одна пятая. В этой связи примечательно, что именно в V-м и VI-м созывах больше всего депутатов, которые после окончания полномочий работали на ключевых постах в бизнесе, тогда как I-й и VII-й созывы находятся в тройке аутсайдеров по таким переходам.

Таблица 5. Работа бывших депутатов Государственной Думы в коммерческих организациях в течение двух лет после ухода с должности, %

Тип позиции	I-й созыв (1993– 1995 гг.) N=234	II-й созыв (1995– 1999 гг.) N=228	III-й созыв (1999– 2003 гг.) N=213	IV-й созыв (2003– 2007 гг.) N=201	V-й созыв (2007– 2011 гг.) N=218	VI-й созыв (2011– 2016 гг.) N=237	VII-й созыв (2016– 2021 гг.) N=199
Любая	23	29	20	27	26	24	20
Ключевая*	18	22	16	22	23	23	18

*Ключевые позиции: президент, председатель правления, генеральный директор и их заместители, член совета директоров, директор по направлению, а также индивидуальный предприниматель.

Наконец, значим и партийный фактор: так, выходцы из левооппозиционной фракции КПРФ, которых было особенно много во II-м, III-м и VI-м созывах, реже переходили в бизнес, а, например, представители праволиберальной фракции «Союза правых сил», относительно многочисленные в III-м созыве, напротив, чаще уходили в коммерческие структуры.

Исследование также позволило установить ряд характеристик бизнеса, в который переходят депутаты. Говоря о форме собственности, следует отметить, что во всех созывах доминируют переходы в частный сектор в сравнении с госпредприятиями, причем эта тенденция усиливается, особенно проявляясь в VI-м и VII-м созывах. Депутаты переходят как в собственный/семейный бизнес (в том числе становятся индивидуальными предпринимателями), так и на должности наемных сотрудников. Причем доля переходов (часто – возвратов) в первый скорее растет (с V-го созыва большинство депутатов, оказавшихся в бизнесе, перешло именно в собственные/семейные фирмы). Что касается наемных сотрудников, то, как и предполагалось в гипотезе 5, в VI–VII-м созывах доля таких переходов особенно мала (5–7%). При этом о значимости институционализации GR-функции в крупном бизнесе как фактора перемещений государственных деятелей в коммерческую сферу свидетельствует ряд случаев назначения депутатов ГД на соответствующие позиции, особенно в 2000-е гг. В качестве примеров можно привести выходцев из IV-го созыва Н.Б. Азарову («Главстрой») и V-го созыва М.И. Гришанкова («Газпромбанк») и В.К. Маркова («Газпром»).

Говоря о размере компаний, нужно отметить, что в целом доля переходов в крупный бизнес (высокие позиции в нем особенно привлекательны, поскольку щедро вознаграждаются и дают значительную власть) невелика, но существенно колеблется по созывам. Будучи наиболее высока во II-м и IV-м созывах (примерно каждый десятый), она затем снижается, опускаясь до минимума в VI-м и VII-м созывах (хотя трудно сравнивать эту долю в разное время в силу отсутствия

единообразных рейтингов компаний). Наконец, в отраслевом разрезе в I–III-м созывах больше всего переходов в финансовые структуры (особенно влиятельные и сильно зависимые от государства в 1990-е гг.), прежде всего банки. Из I-го созыва довольно много переходов в могущественный в то время частный и государственно-частный медиабизнес (в том числе контролируемый олигархами Б.А. Березовским и В.А. Гусинским). В I-м созыве также больше всего переходов в агропромышленный комплекс, что во многом связано с присутствием многочисленной фракции «Аграрной партии России», выходцы из которой возвращались в те сельхозкооперативы, где работали до ГД. Нефтегазовая промышленность как сфера, принимающая депутатов, особенно значима во II-м созыве. В 2000-е гг., когда начинается экономический рост, важнейшим сектором, в котором оказываются бывшие депутаты, становятся компании, занимающиеся недвижимостью, девелопментом, строительством, производством и торговлей стройматериалами: эти отрасли, сильно зависимые от государства в плане доступа к земельным участкам, подрядов, также являются важным поставщиком депутатов.

Таким образом, согласно результатам исследования, доля прямых переходов из Госдумы в бизнес в постсоветский период в целом не показывает явной тенденции, при этом имеют место существенные сдвиги в отраслевой принадлежности фирм, принимающих депутатов, а также в типе (предприниматель/менеджер) позиций, которые они занимают.

Посткарьеря депутатов Государственной Думы: распространенность и структура элитной занятости

Какой в совокупности части выходцев из ГД удастся сохранить принадлежность к властной элите и в том числе использовать парламентский пост как трамплин к более привлекательным властным позициям, и какова динамика этого показателя? Если говорить об элитных должностях в органах государственной власти федерального и регионального уровней (высокопоставленные деятели Администрации президента и органов исполнительной власти, члены СФ, депутаты ЗС, ключевые чиновники ЦБ, Генпрокуратуры и Счетной палаты, члены ЦИК, уполномоченный по правам человека), то, как показывает *таблица 6*, в целом переходы на них стали более распространены (с 20 до примерно 30%). Причем, как мы видим, при учете ключевых позиций в крупных компаниях общенационального масштаба (то есть членов экономической элиты РФ) тенденция сохраняется.

Однако состав элитных позиций (как по уровню, так и по институциональной принадлежности), занимаемых бывшими депутатами, варьирует во времени, как и предполагалось в *гипотезе 6*. Рост устойчивости членства во властной элите произошел прежде всего за счет уже отмеченного учащения переходов в ЗС (то есть нисходящей законодательной карьеры) и СФ, в то время как переходы в административную элиту в целом стали скорее более редкими. Причем если мы учитываем только федеральные элитные административные посты и посты губернаторов (это государственная должность РФ), то переходы на такие позиции, которые в плане власти можно считать более привлекательными, чем позиция депутата ГД, также стали более редкими: больше всего их из II-го созыва (12%), а затем

они не превышали 5–7% случаев. Хотя переходы в региональную политико-административную элиту стали происходить значительно чаще (как видно из *таблицы 6*, в VII-м созыве они характерны для почти четверти депутатов в сравнении с менее одной десятой выходцев из I-го и II-го созывов), но переходы на элитные позиции в федеральных государственных органах в целом все же не обнаруживают такой тенденции. Таким образом, как и ожидалось (*гипотеза 6*), произошел существенный сдвиг в посткарьере: если элитные властные позиции, которые занимали выходцы из I-го и II-го созывов, чаще относились к административной сфере и федеральным органам, то элитные позиции, которые занимали выходцы из VI-го и VII-го созывов, в основном принадлежали к региональному уровню и к законодательной сфере.

Таблица 6. Работа бывших депутатов Государственной Думы на элитных властных позициях (не считая возвратов в ГД) в течение двух лет после ухода с должности, %

Типы позиций	I-й созыв (1993–1995 гг.) N=296	II-й созыв (1995–1999 гг.) N=320	III-й созыв (1999–2003 гг.) N=252	IV-й созыв (2003–2007 гг.) N=252	V-й созыв (2007–2011 гг.) N=258	VI-й созыв (2011–2016 гг.) N=311	VII-й созыв (2016–2021 гг.) N=246
Элитные должности в государственных органах федерального и регионального уровня и крупных компаниях	23	21	23	23	31	32	31
<i>в том числе</i>							
Элитные должности в государственных органах федерального и регионального уровня	20	19	21	19	29	31	29
<i>в том числе</i>							
Элитные должности в федеральных государственных органах	12	14	7	8	10	13	9
Элитные должности в региональных государственных органах	8	9	14	12	21	21	24

Впрочем, при всех различиях между созывами общим остается то, что лишь меньшинству выходцев из Госдумы удалось остаться в элите государственной власти федерально-регионального уровня и тем более перейти на более привлекательные в сравнении с парламентской позиции. При этом, как уже говорилось, эта цифра лишь немного возрастет при учете ключевых постов в крупных в общероссийском масштабе компаниях, хотя следует помнить, что некоторая часть

депутатов переходила в руководство крупных в региональном масштабе фирм, но такие случаи трудно учесть строго при отсутствии единообразных региональных рейтингов бизнес-структур.

Заключение

Анализ динамики посткарьеры депутатов Государственной Думы привел к ряду выводов о ее тенденциях, вероятно, вызванных изменениями в политической системе, в структуре возможностей постдумской занятости (как вытягивающем факторе рекрутирования) и соответственно доступности и привлекательности для парламентариев различных властных позиций.

Во-первых, частота переходов депутатов ГД в другие представительные органы растет прежде всего за счет миграции в региональные ЗС. Распространению такой практики (и вообще интегрированного паттерна законодательной карьеры) способствовали переход в 2000-е гг. к конгруэнтной партийной системе и создание доминирующей партии «Единая Россия». Кроме того, позитивно могло сказаться и введение в 2005 г. единого дня голосования, благодаря которому депутаты могли одновременно баллотироваться в ГД и ЗС. Также самостоятельное значение могло иметь расширение рекрутирования депутатов ГД из ЗС: наличие опыта успешной избирательной борьбы и законодательной деятельности на региональном уровне, а также связей в региональных элитах, вероятно, способствует переходам (возвратам) в ЗС.

Во-вторых, частота переходов депутатов в Совет Федерации также имеет хотя и прерывистую тенденцию к росту, причем расширению доступа депутатов в СФ способствовало изменение в начале 2000-х гг. порядка его формирования. Эта тенденция, как и растущее рекрутирование депутатов ГД из СФ могут усиливать сплоченность федеральной законодательной элиты.

В-третьих, наблюдается сокращение доли переходов депутатов ГД в федеральную администрацию, включая элитные и, в частности, правительственные посты. Эта тенденция отражает ослабление парламента по отношению к исполнительной власти в условиях консолидации персоналистской автократии. Кроме того, на посткарьере депутатов в правительстве негативно сказался отказ от практики совмещения парламентских позиций с должностями членов кабинета, которые в ряде случаев избирались в Госдуму I-го созыва, сохраняя свой пост, а после выбытия из нее продолжали работать в правительстве. Наконец, увеличение доли пожилых выходцев из ГД также могло сужать возможности трудоустройства в ФА.

В-четвертых, доля переходов из Госдумы в региональные администрации не показывает отчетливой тенденции: наиболее велика она в V-м и VII-м созывах, а меньше всего в III-м и IV-м. Формирование в 2000-е гг. территориально конгруэнтной партийной системы может позитивно влиять на посткарьеру депутатов в РА. Также сужение доступа в федеральную администрацию могло усиливать привлекательность региональных должностей, хотя ослабление в условиях централизации автономии РА могло влиять в обратном направлении. Кроме того, доминирование с IV-го созыва в ГД «Единой России», тесно связанной с бюрократией, могло способствовать переходам в РА (как и административные органы в целом), тогда как рост доли пожилых выходцев из ГД – влиять в противоположном

направлении. Говоря о постдумской занятости на элитных позициях в РА, нужно отметить, что она имеет несильно выраженную тенденцию к расширению. Что же касается отдельно постов губернаторов, то на их рекрутирование из депутатов ГД негативно повлияла практика назначения глав регионов в 2005–2012 гг., когда число таких случаев было особенно мало.

В-пятых, как и в странах Запада, в России значительная часть парламентариев после ухода с должности оказывается в бизнесе, который на протяжении всего постсоветского периода служит важнейшим после политико-административной сферы местом работы выходцев из ГД. Доля переходов туда значительно колеблется, не показывая явной тенденции (в отличие от некоторых зарубежных стран, где миграция в бизнес растет) [van der Vlist 2023]). Перспектива посткарьеры в коммерции может вести к конфликту интересов, побуждая депутатов приспосабливать свое поведение к потребностям бизнеса в ущерб государству и обществу. Переходам в бизнес, по-видимому, способствует наличие предшествующего опыта работы в нем. Говоря о типе компаний, принимающих депутатов, следует отметить рост доминирования частного сектора и доли переходов (возвратов) в собственный/семейный бизнес. Напротив, переходы на посты наемных сотрудников и в крупные компании из последних созывов особенно редки. Представляется, что на востребованности депутатов в бизнесе могло негативно сказаться ослабление парламента, снизившее ценность связей в нем. Варьирует во времени и отраслевая структура занятости: в I-м созыве особенно важна роль финансовых и медиакомпаний, а также агропромышленного комплекса, а начиная с 2000-х гг. – сектора, связанного с недвижимостью и строительством.

Наконец, говоря об элитной посткарьере депутатов в целом, следует отметить, что во всех созывах лишь меньшинству (но значительному) удалось перейти на ключевые позиции в органах власти федерального/регионального уровня или в высшее руководство крупнейших компаний, сохранив элитный статус. При этом структура элитной постдумской занятости в госаппарате изменилась: если выходцы из первых созывов чаще занимали элитные позиции на федеральном уровне и в административной сфере, то выходцы из последних созывов – в основном на региональном уровне и в законодательной сфере. В целом, можно утверждать, что, как и в странах Запада, существенное меньшинство российских парламентариев систематически использует законодательную позицию как трамплин к таким же или более привлекательным должностям.

Задача дальнейшего исследования состоит в выяснении, как вариация от созыва к созыву соотношения типов отставки депутатов (вынужденная/добровольная) влияет на динамику постдумской занятости. Также необходим анализ того, в какой мере выходцам из различных созывов удавалось занять, повышая таким образом свой социальный статус, позицию более привлекательную (в плане власти и дохода), чем должность, предшествующую вхождению в ГД.

Список источников

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. (2008) Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации //

- Елисева И.И. (ред.) Глобализация в российском обществе: сборник научных трудов. СПб.: Нестор-История. С. 99–242.
- Гладышева А.А., Кишилова Ю.О. (2018) Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // Корпоративные финансы. Т. 12. № 1. С. 20–43 // <https://cfjournal.hse.ru/article/view/4848/8516>, дата обращения 31.01.2024.
- Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. (2003) Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. Политические исследования. № 6. С. 71–87 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2003/6/Polis-2003-6-Glubozkiy-kynev.pdf>, дата обращения 31.01.2024.
- Голосов Г. (2021) От пост-демократии к диктатуре: консолидация электорального авторитаризма в России // Рогов К. (ред.) Новая реальность: Кремль и Голем. Что говорят итоги выборов о социально-политической ситуации в России. М.: Либеральная миссия. С. 98–112.
- Кынев А. (2009) Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Панорама.
- Тев Д.Б. (2018) Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. Т. 17. № 1. С. 106–133 // https://sociologica.hse.ru/data/2018/03/31/1164761195/SocOboz_17_1_106-133_Tev.pdf, дата обращения 31.12.2024.
- Тев Д.Б. (2021) Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // Мир России. Т. 30. № 4. С. 53–78. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78
- Тев Д.Б. (2023) Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 217–238 // <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2248>, дата обращения 31.01.2024.
- Толстых П.А. (2019) GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования: монография. М.: Перо.
- Шириков А. (2010) Анатомия бездействия: Политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. Серия: Труды факультета политических наук и социологии СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Baturo A., Arlow J. (2017) Is There a ‘Revolving Door’ to the Private Sector in Irish Politics? // Irish Political Studies, vol. 33, no 3, pp. 1–26. DOI: 10.1080/07907184.2017.1365709
- Borchert J. (2011) Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems // Regional & Federal Studies, vol. 21, no 2, pp. 117–140. DOI: 10.1080/13597566.2011.529757
- Byrne C., Theakston K. (2016) Leaving the House: The Experience of Former Members of Parliament Who Left the House of Commons in 2010 // Parliamentary Affairs, vol. 69, no 3, pp. 686–707. DOI: 10.1093/pa/gsv053
- Cerrillo-i-Martínez A. (2017) Beyond Revolving Doors: The Prevention of Conflicts of Interests through Regulation // Public Integrity, vol. 19, no 4, pp. 357–358. DOI: 10.1080/10999922.2016.1225479
- Chaisty P. (2013) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // Europe-Asia Studies, vol. 65, no 4, pp. 717–736. DOI: 10.1080/09668136.2013.767605
- Claessen C., Bailer S., Turner-Zwinkels T. (2021) The Winners of Legislative Mandate: An Analysis of Post-parliamentary Career Positions in Germany and the Netherlands // European Journal of Political Research, vol. 60, no 1, pp. 25–45. DOI: 10.1111/1475-6765.12385
- Diermeier D., Keane M., Merlo A. (2005) A Political Economy Model of Congressional Careers // American Economic Review, vol. 95, no 1, pp. 347–373. DOI: 10.1257/0002828053828464

- Eggers A.C., Hainmueller J. (2009) MPs for Sale? Returns to Office in Postwar British Politics // *American Political Science Review*, vol. 103, no 4, pp. 513–533. DOI: 10.1017/S0003055409990190
- Golosov G.V. (2017) Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014) // *Europe-Asia Studies*, vol. 69, no 4, pp. 553–570. DOI: 10.1080/09668136.2017.1337871
- Harasymiw B. (1981) Mosca and Moscow: Elite Recruitment in the Soviet Union // *Does Who Governs Matter? Elite Circulation in Contemporary Societies* (ed. Czudnowski M.M.), Chicago: North Illinois University Press, pp. 265–292.
- Herrick R., Nixon D.L. (1996) Is There Life after Congress? Patterns and Determinants of Post-Congressional Careers // *Legislative Studies Quarterly*, vol. 21, no 4, pp. 489–499. DOI: 10.2307/440458
- Hillman A.L. (2005) Politicians on the Board of Directors: Do Connections Affect the Bottom Line? // *Journal of Management*, vol. 31, no 3, pp. 464–481. DOI: 10.1177/0149206304272187
- Huskey E. (1999) *Presidential Power in Russia*, Armonk; London: M.E. Sharpe.
- Luechinger S., Moser C. (2012) The Value of the Revolving Door: Political Appointees and the Stock Market // CESifo Working Paper. No. 3921 // http://www.cesifo-group.de/portal/page/portal/DocBase_Content/WP/WP-CESifo_Working_Papers/wpcesifo-2012/wp-cesifo-2012-08/cesifo1_wp3921.pdf, дата обращения 07.12.2016.
- Noble B., Schulmann E. (2018) Not Just a Rubber Stamp: Parliament and Law-making // *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia* (ed. Treisman D.), Washington, D.C.: Brookings Institution Press, pp. 55–87.
- Quaresirria F., Santolini R., Fiorillo F. (2020) Political Affiliation in Post-Parliamentary Careers in Italian Public Enterprises // *German Economic Review*, vol. 21, no 1, pp. 35–64. DOI: 10.1515/ger-0016-0019
- Ross C., Turovsky R. (2013) The Representation of Political and Economic Elites in the Russian Federation Council // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no 1, pp. 59–88 // <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/359358362.pdf>, дата обращения 31.12.2024.
- Salisbury R.H., Johnson P., Heinz J.P., Laumann E.O., Nelson R.L. (1989) Who You Know versus What You Know: The Uses of Government Experience for Washington Lobbyists // *American Journal of Political Science*, vol. 33, no 1, pp. 175–195. DOI: 10.2307/2111258
- Samuels D. (2003) *Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Schlesinger J. (1966) *Ambition and Politics*, Chicago: Rand McNally.
- Semenova E. (2011) Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*, vol. 10, no 6, pp. 908–927. DOI: 10.1163/156913311X607629
- Semenova E. (2023) The Patterns of Political Career Movements in the Russian Federation: The Case of Regional Governors, 1991–2021 // *Regional & Federal Studies*. DOI: 10.1080/13597566.2022.2155811
- Shirikov A. (2021) Who Gets ahead in Authoritarian Parliaments? The Case of the Russian State Duma // *The Journal of Legislative Studies*, vol. 28, no 4, pp. 554–577. DOI: 10.1080/13572334.2021.1940435
- van der Vlist D. (2023) Parliament as a Steppingstone? Patterns of Post-parliamentary Careers in The Netherlands between 1967 and 2017 // *Acta Politica*, vol. 59, no 2, pp. 1–18. DOI: 10.1057/s41269-023-00291-w
- Würfel M. (2017) Life after the Bundestag: An Analysis of the Post-Parliamentary Careers of German MPs // *German Politics*, vol. 27, no 3, pp. 295–316. DOI: 10.1080/09644008.2017.1344642

Deputies of the Russian State Duma: The Dynamics of Employment in the Political-administrative and Commercial Spheres after Leaving Office

D.B. TEV*

***Denis B. Tev** – PhD in Sociology, Senior Researcher, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; denis_tev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

Citation: Tev D.B. (2025) Deputies of the Russian State Duma: The Dynamics of Employment in the Political-administrative and Commercial Spheres after Leaving Office. *Mir Rossii*, vol. 34, no 1, pp. 31–56 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-31-56

Abstract

This article examines the historical dynamics of the careers of State Duma deputies after leaving office. The empirical foundation of the study is a biographical database containing information on the post-resignation careers of deputies from the 1st to 7th convocations (1993–2021). Several key trends are identified: a decline in transitions to federal administration, including elite positions, particularly in government; an increase in movements to regional legislative assemblies and the Federation Council; a growing dominance of private sector employment, an increasing number of former deputies engaging in personal or family-owned businesses, and a decrease in migration to managerial roles in large corporations.

In analyzing elite post-Duma employment within the state apparatus, the author notes structural changes. Deputies from the 1st and 2nd convocations were more likely to occupy elite positions at the federal level, particularly in administrative roles, whereas deputies from the 6th and 7th convocations were more frequently found in regional-level positions and legislative roles.

Institutional factors influencing these post-career trajectories are also explored, including the diminishing power of the State Duma relative to the president and executive branch, the establishment of a congruent party system, the transformation of United Russia into the dominant party, changes in the formation procedures for the Federation Council and gubernatorial recruitment, and the abandonment of practices such as combining parliamentary and governmental roles.

Keywords: State Duma, career after leaving office, administration, legislative assemblies, Federation Council, business

References

Baturo A., Arlow J. (2017) Is There a ‘Revolving Door’ to the Private Sector in Irish Politics? *Irish Political Studies*, vol. 33, no 3, pp. 1–26. DOI: 10.1080/07907184.2017.1365709

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in February 2024.

- Borchert J. (2011) Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems. *Regional & Federal Studies*, vol. 21, no 2, pp. 117–140. DOI: 10.1080/13597566.2011.529757
- Byrne C., Theakston K. (2016) Leaving the House: The Experience of Former Members of Parliament Who Left the House of Commons in 2010. *Parliamentary Affairs*, vol. 69, no 3, pp. 686–707. DOI: 10.1093/pa/gsv053
- Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. (2008) Russian Regional Elites: Innovation Potential in the Context of Globalization. *Globalization in Russian Society: Collection of Scientific Works* (ed. Eliseeva I.I.), Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 99–242 (in Russian).
- Cerrillo-i-Martínez A. (2017) Beyond Revolving Doors: The Prevention of Conflicts of Interests through Regulation. *Public Integrity*, vol. 19, no 4, pp. 357–358. DOI: 10.1080/10999922.2016.1225479
- Chaisty P. (2013) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, vol. 65, no 4, pp. 717–736. DOI: 10.1080/09668136.2013.767605
- Claessen C., Bailer S., Turner-Zwinkels T. (2021) The Winners of Legislative Mandate: An Analysis of Post-parliamentary Career Positions in Germany and the Netherlands. *European Journal of Political Research*, vol. 60, no 1, pp. 25–45. DOI: 10.1111/1475-6765.12385
- Diermeier D., Keane M., Merlo A. (2005) A Political Economy Model of Congressional Careers. *American Economic Review*, vol. 95, no 1, pp. 347–373. DOI: 10.1257/0002828053828464
- Eggers A.C., Hainmueller J. (2009) MPs for Sale? Returns to Office in Postwar British Politics. *American Political Science Review*, vol. 103, no 4, pp. 513–533. DOI: 10.1017/S0003055409990190
- Gladysheva A.A., Kishilova, Yu.O. (2018) The Influence of Political Connections and Government Ownership on Firm Performance: Evidence from Russia. *Journal of Corporate Finance Research*, vol. 12, no 1, pp. 20–43. Available at: <https://cfjournal.hse.ru/article/view/4848/8516>, accessed 31.01.2024 (in Russian).
- Glubotsky A.Yu., Kynev A.V. (2003) The Party Component of Legislative Assemblies of Russian Regions. *Polis. Political Studies*, no 6, pp. 71–87. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2003/6/Polis-2003-6-Glubozkiy-kynev.pdf>, accessed 31.01.2024 (in Russian).
- Golosov G.V. (2017) Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014). *Europe-Asia Studies*, vol. 69, no 4, pp. 553–570. DOI: 10.1080/09668136.2017.1337871
- Golosov G. (2021) From Post-Democracy to Dictatorship: Consolidation of Electoral Authoritarianism in Russia. *New Reality: The Kremlin and the Golem. What Do the Election Results Say about the Socio-political Situation in Russia?* (ed. Rogov K.), Moscow: Liberal mission, pp. 98–112 (in Russian).
- Harasymiw B. (1981) Mosca and Moscow: Elite Recruitment in the Soviet Union. *Does Who Governs Matter? Elite Circulation in Contemporary Societies* (ed. Czudnowski M.M.), Chicago: North Illinois University Press, pp. 265–292.
- Herrick R., Nixon D.L. (1996) Is There Life after Congress? Patterns and Determinants of Post-Congressional Careers. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 21, no 4, pp. 489–499. DOI: 10.2307/440458
- Hillman A.L. (2005) Politicians on the Board of Directors: Do Connections Affect the Bottom Line? *Journal of Management*, vol. 31, no 3, pp. 464–481. DOI: 10.1177/0149206304272187
- Huskey E. (1999) *Presidential Power in Russia*, Armonk; London: M.E. Sharpe.
- Kynev A. (2009) *Elections of Parliaments of Russian Regions 2003–2009: First Cycle of Implementation of the Proportional Electoral System*, Moscow: Panorama (in Russian).
- Luechinger S., Moser C. (2012) The Value of the Revolving Door: Political Appointees and the Stock Market. *CESifo Working Paper*. No. 3921. Available at: http://www.cesifo-group.de/portal/page/portal/DocBase_Content/WP/WP-CESifo_Working_Papers/wpcesifo-2012/wp-cesifo-2012-08/cesifo1_wp3921.pdf, accessed 07.12.2016.

- Noble B., Schulmann E. (2018) Not Just a Rubber Stamp: Parliament and Law-making. *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia* (ed. Treisman D.), Washington, D.C.: Brookings Institution Press, pp. 55–87.
- Quaresirria F., Santolini R., Fiorillo F. (2020) Political Affiliation in Post-Parliamentary Careers in Italian Public Enterprises. *German Economic Review*, vol. 21, no 1, pp. 35–64. DOI: 10.1515/ger-0016-0019
- Ross C., Turovsky R. (2013) The Representation of Political and Economic Elites in the Russian Federation Council. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no 1, pp. 59–88. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/359358362.pdf>, accessed 31.12.2024.
- Salisbury R.H., Johnson P., Heinz J.P., Laumann E.O., Nelson R.L. (1989) Who You Know versus What You Know: The Uses of Government Experience for Washington Lobbyists. *American Journal of Political Science*, vol. 33, no 1, pp. 175–195. DOI: 10.2307/2111258
- Samuels D. (2003) *Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Schlesinger J. (1966) *Ambition and Politics*, Chicago: Rand McNally.
- Semenova E. (2011) Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*, vol. 10, no 6, pp. 908–927. DOI: 10.1163/156913311X607629
- Semenova E. (2023) The Patterns of Political Career Movements in the Russian Federation: The Case of Regional Governors, 1991–2021. *Regional & Federal Studies*. DOI: 10.1080/13597566.2022.2155811
- Shirikov A. (2010) *Anatomy of Inaction: Political Institutions and Conflicts in the Budgeting Process of Russian Regions*, Saint Petersburg: Evropeiskij universitet v Sankt-Peterburge (in Russian).
- Shirikov A. (2021) Who Gets ahead in Authoritarian Parliaments? The Case of the Russian State Duma. *The Journal of Legislative Studies*, vol. 28, no 4, pp. 554–577. DOI: 10.1080/13572334.2021.1940435
- Tev D.B. (2018) Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career Characteristics after the Termination of Office. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 1, pp. 106–133. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2018/03/31/1164761195/SocOboz_17_1_106-133_Tev.pdf, accessed 31.12.2024 (in Russian).
- Tev D.B. (2021) Members of the Federation Council: Careers before Taking Office and After Resigning. *Mir Rossii*, vol. 30, no 4, pp. 53–78 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78
- Tev D.B. (2023) Deputies of the United Russia and CPRF Fractions in the State Duma: A Comparative Analysis of Careers after Leaving Office. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 4, pp 217–238. Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2248>, accessed 31.01.2024 (in Russian).
- Tolstykh P.A. (2019) *GR: A Complete Guide to the Development of Public Management Decisions, Theory and Practice of Lobbying: Monograph*, Moscow: Pero (in Russian).
- van der Vlist D. (2023) Parliament as a Steppingstone? Patterns of Post-parliamentary Careers in The Netherlands between 1967 and 2017. *Acta Politica*, vol. 59, no 2, pp. 1–18. DOI: 10.1057/s41269-023-00291-w
- Würfel M. (2017) Life after the Bundestag: An Analysis of the Post-Parliamentary Careers of German MPs. *German Politics*, vol. 27, no 3, pp. 295–316. DOI: 10.1080/09644008.2017.1344642